

АЛЕКСАНДР
КОЛЮЧИЙ

Водный Барон

Том 4

Александр (Колючий)

Водный барон. Том 4

<https://litres.ru/74284369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Заключительная 4 книга цикла. Успей узнать чем вся история закончилась!

Голод. Предательство. И пар.

Шестнадцатый день блокады Малого Яра. Запасы еды исчерпаны, люди на грани, а враг зажал реку стальными цепями. Кажется, что выхода нет, но у Мирона Заречного, пришельца из будущего, другие планы. Он знает: когда заканчивается магия, начинается термодинамика.

В глубокой тайне, под носом у шпионов и наемников, рождается «Зверь» — первая паровая машина этого мира. Собрана из медных котлов и старой баржи, заправлена свиным салом вместо смазки, она — единственный шанс на прорыв.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Водный барон. Том 4

Глава 1

Шестнадцатый день блокады начался не с пения птиц и не с лучей солнца, пробивающихся сквозь слюдяное оконце землянки. Он начался со звука.

Тяжёлый, глухой, шаркающий звук. Шрррх... Шрррх... Будто кто-то огромный и невидимый волочил по сырой земле мертвое тело.

Я открыл глаза. Сон слетел мгновенно, как сухая шелуха, оставив после себя лишь привычную, въевшуюся в подкорку настороженность. Рука сама скользнула под подушку, набившуюся соломой, пальцы сомкнулись на рукояти ножа.

В землянке было сыро и холодно. Утренняя речная стынь пробиралась даже под овчинный тулуп, которым я укрывался. Рядом, на соседних лавках, спали мои люди — Никифор, Анфим, Егорка. Их дыхание вырывалось изо ртов белыми облачками пара, оседая инеем на грубых бревнах стен.

Живот привычно скрутило спазмом. Голод. Он стал нашим постоянным спутником в последние дни. Запасы муки в Малом Яре подходили к концу, рыбалка под прицелом авиновских лучников стала занятием для самоубийц, а подвоз продовольствия был перерезан блокадой. Мы ели один раз в день — пустую похлебку из крапивы и мелкой рыбешки, да

кусок черствого хлеба размером с ладонь.

Я сел, растирая лицо ладонями, пытаюсь прогнать остатки тяжелой дремоты. Мышцы ныли после вчерашней работы — мы весь день укрепляли настил на барже, таскали бревна, ковали скобы. Тело Мирона Заречного стало крепче, жилистее, но даже оно имело пределы.

Звук снаружи повторился. Шрррх... Шрррх...

Теперь я узнал его. Это был не враг. И не зверь.

Это была надежда.

Я быстро натянул сапоги, накинул на плечи зипун и толкнул низкую дверь, обитую войлоком.

Утро встретило меня густым, как молоко, туманом. Река курилась, скрывая противоположный берег. Мир казался серым, призрачным, выцветшим. Но в этом сером мареве, у самой воды, кипела жизнь.

Возле нашей баржи, которая черной громадиной нависала над мостками, сустились люди. Серапион, мой верный десятник, и двое братьев-плотников катили по дощатому настилу мешки. Огромные, пузатые тюки из грубой, почерневшей от времени рогожи. Они были тяжелыми — доски под ногами людей прогибались и жалобно скрипели, грозя переломиться.

— Осторожнее! — сдавленно шипел Серапион, упираясь плечом в бок мешка. — Не кантуй так резко! Рассыплешь — сам по зернышку собирать будешь! Это тебе не овес, дурья башка!

— Тяжелый, зараза... — кряхтел младший из братьев, Гаврила, вытирая пот со лба рукавом. Лицо его было перепачкано черной пылью.

Я спустился к воде. Влажный воздух охлаждал кожу, но внутри меня начинал разгораться азарт. Тот самый, инженерный, производственный азарт, которого мне так не хватало в этом мире мечей и магии.

— Привезли? — спросил я, подойдя к десятнику.

Серапион вздрогнул и обернулся. Вид у него был измотанный. Красные от недосыпа глаза, всклокоченная борода, в которой застряла угольная крошка, делая его похожим на вылезшего из преисподней черта.

— Мирон Игнатьич... — он выдохнул, опираясь на мешок. — Привезли. Два возка, как и велел. Еле протащили через дальний волок, чтобы авиновские разъезды не заметили. Лошади чуть не пали.

— Какой уголь? — перебил я, подходя к ближайшему мешку.

— Кузнецовский. Данила-углежог божился, что лучший. Из березы и дуба, томленный в ямах без воздуха три недели. Звонкий, говорит, как стекло.

Я развязал горловину мешка. В нос ударил резкий, сухой запах углерода. Я запустил руку внутрь, ощущая приятный холод и твердость кусков. Вытащил один на свет.

Уголь был крупный, черный, с характерным синеватым отливом на сколе. Я сжал его в кулаке — он не рассыпался

в пыль, а лишь хрустнул. Хороший выжиг. Плотный. Такой будет давать жар долго и ровно, а не вспыхнет как солома.

В этом мире еще не знали каменного угля. Антрацит, коксующийся уголь — всё это лежало глубоко в недрах земли, ожидая своего часа. Здесь топили дровами. Но дрова для моей машины не годились. Слишком низкая теплотворная способность, слишком много влаги, слишком нестабильное горение. Чтобы поднять давление до рабочих пяти атмосфер на дровах, мне пришлось бы забить ими весь трюм и подкидывать каждые пять минут.

Уголь — другое дело. Это концентрированная энергия леса.

— Сколько здесь? — спросил я, отряхивая черную пыль с ладони.

— Пятьдесят пудов, — отчитался Серапион. — Двадцать здесь, еще тридцать парни сейчас дотаскивают от телег. Данила всё отдал, подчистую выгреб из ям. Говорит — сами жечь будем, если не получится.

Пятьдесят пудов. Восемьсот килограмм.

Я быстро прикинул в уме. Теплотворная способность древесного угля — около 30 мегаджоулей на килограмм. КПД нашего самодельного, клепаного "на коленке" котла — дай бог, процентов пять-семь. Остальное улетит в трубу, уйдет на нагрев корпуса, на трение, на утечки пара через несовершенные сальники.

На сколько этого хватит?

На разогрев уйдет пудов десять. Прогреть тонну воды, металл котлов, кирпичную кладку топки... Остается сорок. В режиме полного хода машина будет жрать... много она будет жрать.

— На два дня, — сказал я вслух. — Максимум на три, если идти экономным ходом и не форсировать тягу.

Плотники переглянулись. В их глазах читался немой вопрос, который мучил всех в лагере.

— А если не хватит, Мирон Игнатьич? — тихо спросил Гаврила. — Что тогда? На веслах мы эту дуру против течения не выгребем. Тяжелая она стала, как баржа с камнем. Обшивка двойная, железо в трюме... Встанем посреди реки — расстреляют нас авиновские, как уток в тире.

Я посмотрел на него. Парень был напуган. Они все были напуганы. Они верили мне, потому что я давал им еду и защиту, но их вера трещала по швам, как перетянутый канат.

— Если не хватит, Гаврила, — ответил я жестко, глядя ему прямо в глаза, — то нам уголь уже не понадобится. Мы либо прорвемся в Малый Яр за два дня, собьем блокаду и привезем муку, либо пойдем на корм ракам вместе с этой баржей. Третьего не дано. Назад дороги нет. В лагере еды осталось на три дня.

Тишина стала звенящей. Только плеск воды о сваи мостков нарушал её. Жестко? Да. Но врать сейчас было нельзя. Люди должны понимать цену ошибки.

— Грузите! — скомандовал я, разрывая оцепенение. — В

трюм, к топке. И слушайте внимательно: распределяйте вес равномерно! Левый борт, правый борт. Весы в голове держите! Если дадим крен хоть на пять градусов — вода в котлах перельется на одну сторону, оголит жаровые трубы с другой. Трубы перекалятся и лопнут. И мы сваримся вкрутую за секунду. Поняли?

— Поняли, Мирон Игнатьич, — угрюмо кивнул Серапион. — Не дураки.

Работа возобновилась. Я наблюдал, как черные мешки исчезают в темном зеве грузового люка, словно жертвоприношение ненасытному идолу.

Я поднялся на борт баржи.

Палуба под ногами отозвалась гулко, солидно. Мы перестелили настил лиственницей — деревом, которое не гниет в воде, а становится только крепче, как камень. Снаружи это было все то же неуклюжее, широкое грузовое судно, "баржа-беляна", на каких возят лес и соль. Но внутри... Внутри мы создали монстра.

Я прошел мимо рубки, мимо зачехленных бойниц, и начал спускаться в трюм по шаткой, крутой лестнице.

Здесь царил другой мир.

Свет падал сверху косыми, пыльными столбами, выхватывая из полумрака детали нашего творения.

"Зверь". Так его называл Кузьма, и прозвище прижилось. Даже сейчас, холодный и молчаливый, он внушал трепет. Четыре медных котла, соединенных в единую батарею.

Мы сделали их из старых винокуренных кубов, перековав и усилив. Каждое "пузо" было стянуто ржавыми, но надежными железными обручами — мы сняли их со старых бочек, проковали заново, закалили в масле и насадили на горячую. Остывая, металл сжал медь мертвой хваткой.

Переплетение труб напоминало кишечник гигантского зверя. Паропроводы, обмотанные войлоком и мешковиной для теплоизоляции, уходили к цилиндрам. Массивный кривошипно-шатунный механизм, грубый, но надежный, выточенный из осей телег и переплавленных якорей, замер в нижней мертвой точке.

Это была не просто машина. Это был памятник нашему упрямству. Памятник инженерной мысли, загнанной в угол средневековья, лишенной станков, лишенной качественной стали, лишенной приборов. Мы строили его на ощупь, на глаз, на интуиции.

Запах здесь стоял особый. Не речной, не лесной. Пахло металлом, окалиной, кислой медью и пережженным свиным салом — лучшей смазкой, которую мы смогли найти. Запах индустрии. Запах будущего, которое ворвалось в этот мир без спроса.

Кузьма был здесь.

Мой главный механик, бывший деревенский кузнец, лежал на спине под котлами, в самой грязи, и что-то подкручивая огромным гаечным ключом. Ключ этот мы выковали специально под гайки главного вала.

Услышав мои шаги, он выбрался наружу, как черт из табакерки.

Вид у него был жутковатый. Лицо черное от сажи и старой смазки, белки глаз сверкают в полумраке, зубы в улыбке — как жемчуг. Волосы, перехваченные кожаным ремешком, торчали во все стороны.

— Принимай кормежку, механик, — сказал я, кивнув на гору мешков, растущую у топки.

Кузьма вытер руки ветошью, которая была еще грязнее его рук, и встал. Он погладил мешок с углем, как гладят любимую женщину.

— Хороший уголь, Мирон. Слышу, как звенит. Данила не подвел.

— Машина как? — спросил я, подходя к манометрам.

Приборы были нашей гордостью и нашей болью. Стекло-вые трубки, заполненные подкрашенной ртутью, и примитивные стрелочные указатели на пружинах. Стекла для них мы вырезали из донышек бутылок, шлифовали песком вручную. Сейчас стрелки лежали на нулях.

— Как невеста перед свадьбой, — усмехнулся Кузьма, но глаза его оставались серьезными. — Волнуется. И я волнуюсь, Мирон.

— Что проверил?

— Всё. Котлы водой набил под завязку, как ты велел. Уровни проверил трижды. Мерные трубки держат, ни капли не травит. Пробки зачеканил свинцом. Сальники...

Он замялся.

— Что сальники? — насторожился я.

— Набил свежим салом с пенькой. Вроде держат. Но на холодную-то оно понятно. А вот как пар пойдет... Сало потечет, пенька может выгореть. У нас нет асбеста, Мирон. Нет графита.

— Знаю, — кивнул я. — Будем подтягивать на ходу. Если начнет сифонить — накидывай мокрую тряпку и тяни гайку. Главное — цилиндры.

— Цилиндры я смазал. Золотник ходит плавно, я его вчера еще раз притер песком мелким, самым тонким, потом маслом пролил. Не должен клинить.

— Не должен... — эхом отозвался я.

Я прошел вдоль машины, касаясь рукой холодных, грубых деталей. Инженер во мне трепетал от смеси гордости и ужаса. Мы сделали это. Собрали паровую машину высокого давления буквально из мусора и палок.

Но здравый смысл — тот, из двадцать первого века — кричал об опасности.

— Кузьма, — я посмотрел на механика в упор. — Ты понимаешь, что мы сейчас будем делать?

Улыбка сползла с лица парня. Он выпрямился, став серьезным.

— Понимаю, Мирон.

— У нас нет предохранительных клапанов заводской отливки. У нас самоделка. Рычаг с грузом и пружина от медве-

жьего капкана. Если ее заклинит, если окалина попадет под седло клапана...

— То нас разнесет к чертям собачьим, — закончил за меня Кузьма спокойно. — Я знаю. Я эту пружину три дня в масле вываривал, проверял на весах. На пяти атмосферах должна сработать.

— А котел? Медь старая. Перекованная. Усталость металла, микротрещины... Мы их не видим, Кузьма. Но они там могут быть.

— Два слоя, — упрямо мотнул головой кузнец. — И обручи каждые полшага. Мы ее испытывали гидравликой, помнишь? Три атмосферы воды держала неделю, ни капли не дала.

— Вода — не пар, Кузьма. Вода холодная и несжимаемая. А пар — это сжатая смерть. Энергия взрыва. Если котел лопнет, перегретый пар расширится мгновенно. Он сварит всех в этом трюме за долю секунды, а потом разнесет баржу в щепки. Мы сидим на бомбе.

Кузьма подошел ближе. В полумраке его глаза блестели фанатичным огнем.

— Я три ночи не спал, Мирон. Мне снилось, как колеса крутятся. Как мы идем против течения, а бурлаки на берегу бросают лямки и крестятся. Я хочу это видеть. Пусть рванет, плевать. Я готов рискнуть. Но если она заработает... мы боги, Мирон. Мы речные боги.

Я усмехнулся. Техно-ересь. Именно то, что мне нужно бы-

ло слышать. Фанатизм — лучшее топливо, когда кончается здравый смысл.

— Ладно, бог механики. Готовь топку.

— Прямо сейчас?

— Да. Забивай углем, прокладывай берестой. Делай "колодец" для тяги. Но не поджигай пока. Я хочу собрать людей. Они должны знать, на что подписываются.

Сверху грохнуло — спустили очередной мешок. Облако черной пыли накрыло нас, заставив закашляться.

Я полез наверх, к свету.

К полудню вся команда была в сборе. Солнце висело в зените, но тепла не давало — ветер с севера гнал по свинцовой воде мелкую, злую рябь.

Двадцать три человека. Ядро моей маленькой армии. Артельщики, ставшие солдатами поневоле. Остальные — женщины, старики, раненые — остались в лагере, в землянках. Мы уходили, по сути, бросая их на произвол судьбы. Если мы не вернемся с победой и едой через три дня, лагерь вымрет или разбежится.

Осознание этого давило на плечи тяжелее, чем мешки с углем.

Люди стояли на берегу молча, полукругом. Серапион, Никифор, Анфим. Рыбаки, прибившиеся к нам после разорения их деревень. Беглые холопы, ставшие свободными работниками.

Они смотрели на баржу как на последнюю надежду. И од-

новременно — как на чудовище. Труба, торчащая посередине корпуса, пугала их своей чернотой и чужеродностью.

Я встал на кормовую надстройку, возвышаясь над толпой. Ветер трепал полы моего зипуна.

— Слушайте меня! — мой голос был хриплым, но громким. Ветер подхватил слова и понес над водой. — Сегодня шестнадцатый день блокады.

По толпе прошел глухой ропот. Люди переминались с ноги на ногу, прятали руки в рукава.

— Авинов думает, что мы уже грызем кору. Что мы ползаем на коленях в грязи и молим о пощаде. Что мы перегрызем друг другу глотки за последний мешок зерна.

Злость. Я видел, как она вспыхивает в глазах мужиков. Хорошая, правильная злость.

— Они перекрыли реку цепями. Они поставили заставы. Они думают, что Река принадлежит им по праву рождения. Что они, сидя в своих теремах на шелках, могут решать, кому плыть, а кому тонуть.

Я сжал кулак, поднял его вверх.

— Но Река не принадлежит никому! Река — это сила. И сегодня мы возьмем эту силу себе. Не течение. Не ветер, которого вечно нет, когда он нужен. Мы возьмем силу огня и воды!

Я указал на трубу за моей спиной:

— Там, в трюме, стоит машина. Мы строили ее месяц. Мы голодали, но кормили ее металлом. Мы не спали, но давали

ей отдых. Теперь пришло время ей вернуть долг.

Я посмотрел в глаза людям. В глаза Никифору, который потерял брата в первой стычке с людьми Варяга. В глаза Анфиму, чью семью выгнали из дома за долги.

— Я не буду вам врать. Будет страшно. Там, внизу, будет ад. Грохот, жар, дым. Эта машина ревет как раненый медведь. Она может взорваться и убить нас всех мгновенно. Она может сломаться. Но если... если мы удержим её... если мы заставим её работать...

Я сделал паузу.

— ...то мы станем быстрее любого гребца. Сильнее любого течения. Мы пройдем сквозь цепи Авинова как нож сквозь масло. Мы привезем еду. Мы вернем себе свободу. Кто не готов рисковать жизнью — шаг назад. Прямо сейчас. Никто не осудит. Оставайтесь в лагере, ждите.

Тишина. Только плеск воды о борт и далекий, тоскливый крик чайки.

Никто не сделал шаг назад. Ни один.

Серапион шагнул вперед, поправил топор за поясом. Лицо его было решительным.

— Мы с тобой, Мирон. До конца. Хватит прятаться по норам. Запускай своего Зверя. Пусть рычит.

— Да! — крикнул Анфим. — В топку Авинова!

— В топку! — поддержали остальные. — Давай огонь, Мирон!

Я кивнул. Внутри что-то отпустило. Команда есть. Они

готовы идти в ад, если я поведу.

— По местам! — скомандовал я резко. — Отдать швартовы! Оставить только кормовой! Приготовиться к розжигу!

Люди забежала. Слаженно, четко. Месяц муштры не прошел даром. Каждый знал свое место.

Я спустился в трюм. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в ушах.

Кузьма уже стоял у топки с зажженным факелом в руке. В полумраке его лицо, освещенное пляшущим пламенем, казалось маской древнего жреца.

— Ну, — сказал он тихо. — С Богом, Мирон Игнатьич.

Я посмотрел на манометры. Стрелки на нулях. Вода спокойна. Уголь ждет.

— Давай, Кузьма, — выдохнул я. — Зажигай.

Механик наклонился и сунул факел в открытое жерло топки.

Началось.

Глава 2

Сначала был только звук огня.

Сухой, жадный треск бересты, переходящий в гулкое гудение, когда пламя добралось до нижних слоев угля. Этот звук я знал хорошо — так гудит деревенская печь в лютый мороз, когда вьюшка открыта на полную. Но здесь, в замкнутом пространстве трюма, усиленный металлическим эхом топки, он казался ревом запертого в бочку зверя.

— Пошла тяга, — прошептал Кузьма, не отрывая взгляда от чугунной дверцы, сквозь щели которой пробивался багровый свет.

Он был прав. Дым, поначалу лениво клубившийся под сводом топки, вдруг дернулся, собрался в тугой жгут и с во-ем устремился в жаровые трубы, а оттуда — в дымоход.

У-у-у-у-у...

Низкий, утробный вой. Баржа сделала первый вдох.

— Прикрой поддувало, — скомандовал я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все сжалось в пружину. — Не гони. Медь холодная. Если дадим резкий жар — металл поведет. Пусть прогревается постепенно.

Кузьма кивнул и с лязгом задвинул заслонку наполовину. Гул стал тише, ровнее.

Мы сели на лавки вдоль борта, прямо на мешки с углем. Напротив нас возвышалась Машина. Теперь она уже не ка-

залась грудой металлолома. В ней появилась жизнь — пока еще скрытая, внутренняя, тепловая.

Началось самое тяжелое время для любого инженера. Ожидание.

Вода имеет колоссальную теплоемкость. Чтобы нагреть тонну воды от десяти градусов речной прохлады до ста градусов кипения, да еще и через толстые стенки, нужно время. Много времени. И все это время ты сидишь и слушаешь. Слушаешь каждый шорох, каждый скрип, гадая — выдержит ли шов? Не треснет ли заклепка?

Прошло полчаса.

В трюме стало заметно теплее. Сырой речной холод, который, казалось, навечно поселился в этих досках, начал отступать, сменяясь сухим, жестким жаром от топки.

— Слышишь? — вдруг насторожился Кузьма, повернув голову набок.

Я прислушался. Сквозь ровный гул огня пробивались странные звуки.

Теньк... Дзынь... Теньк...

Тонкие, высокие, металлические щелчки. Они раздавались то здесь, то там. словно невидимый молоточек бил по медным бокам котлов.

— Металл играет, — констатировал я, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Тепловое расширение. Медь греется быстрее железа. Обручи натягиваются.

— Не лопнут? — Кузьма посмотрел на ближайший обруч,

стягивающий "пузо" котла. Он был натянут так, что, казалось, звенел.

— Не должны. Мы их с запасом ставили. Но ты слушай, Кузьма. Слушай внимательно. Если услышишь треск, как будто ткань рвется — падай на пол и молись. Это значит, медь пошла на разрыв.

Кузьма побледнел под слоем сажи, но с места не сдвинулся.

Прошел час.

Жара становилась удушающей. Воздух в трюме сгустился, наполнился запахом каленого металла и горячего масла. Пот тек по лицу, заливал глаза, щипал кожу. Я снял зипун, оставшись в одной рубаше, которая тут же прилипла к телу.

Внутри котлов изменился звук.

Вместо звонких щелчков появилось глухое, далекое шипение.словно огромная змея ползала где-то в недрах конструкции. Шшшшшш...

— Закипает, — выдохнул я. — Пристеночное кипение. Пузырьки образуются на металле и схлопываются. Скоро начнется.

Я подошел к манометру.

Это был самый примитивный прибор, который только можно представить. U-образная стеклянная трубка, прикрученная к доске. Внутри — ртуть, которую я с огромным трудом добыл у лекарей и алхимиков в городе еще до блокады. Один конец трубки соединен с котлом, другой открыт в ат-

мосферу. Разница уровней показывает давление.

Уровень ртути стоял на месте. Мертвый.

— Добавь жару, — сказал я. — Открой поддувало. Вода прогрелась, пора давать пар.

Кузьма, взяв железный крюк, рванул заслонку.

Огонь ответил яростным ревом. Пламя в топке стало белым. Температура росла скачками.

И тут Зверь подал голос.

Сначала это было едва заметно. Легкая дрожь под ногами. Вибрация досок настила. Инструменты, разложенные на верстаке, тихонько зазвенели, соприкасаясь друг с другом.

Потом дрожь переросла в гул.

Это был не звук трубы. Это гудел сам корпус котлов. Миллионы пузырьков пара, рождаясь и лопаюсь внутри, создавали резонанс.

уууууууууу...

Звук был низким, на грани слышимости уха, но тело воспринимало его отчетливо. Вибрировала диафрагма. Вибрировали зубы. К горлу подкатил комок тошноты, внезапный и острый. Сердце сбилось с ритма, пропустило удар, потом зачастило.

— Мирон... — голос Кузьмы дрогнул. Он схватился за голову. — Что это? Мне... мне худо.

Я и сам чувствовал, как накатывает волна паники. Безотчетного, животного страха. Хотелось бросить всё, выскочить на палубу, прыгнуть в холодную воду, только бы подальше

от этого места.

— Терпи! — крикнул я, перекрывая гул. — Это инфразвук! Вибрация! Просто котлы входят в резонанс! Сейчас давление поднимется, вода успокоится!

— Страшно, Мирон! — Кузьма смотрел на меня расширенными зрачками. — Как будто кто-то в душу лезет!

В этот момент люк над нашими головами распахнулся. Солнечный свет ударил в полумрак трюма.

В проеме показалась голова Анфима. Лицо парня было серым, губы тряслись.

— Мирон Игнатьич! — заорал он. — Что там у вас?! Баржа трясется! Вода вокруг бортов рябью пошла, хотя ветра нет! Рыба кверху брюхом всплывает!

— Всё по плану! — рявкнул я. — Закрой люк! Не выпускай жар!

— Мужики боятся! — не унимался Анфим. — Говорят — дьявола вы там разбудили! Серапион крестится, говорит, надо гасить, пока беды не накликали! У Никифора кровь из носа пошла!

Я понял, что сейчас начнется паника. Инфразвук действовал на психику людей, не знающих физики, как оружие массового поражения. Они чувствовали присутствие чего-то огромного и враждебного.

Я взбежал по лестнице, высунулся по пояс.

На палубе творилось неладное. Люди жались к бортам, зажимая уши руками. Вид у них был такой, словно они жда-

ли землетрясения. Никифор действительно вытирал кровь с лица рукавом.

— Слушать меня! — мой голос, усиленный злостью и адреналином, хлестнул как кнут. — Отставить панику!

Все головы повернулись ко мне.

— То, что вы чувствуете — это сила! — врал я вдохновенно. — Это Зверь просыпается! Он рычит, потому что голоден! Он чует цепь Авинова! Вы воины или бабы базарные?! Потерпите пять минут! Как только он встанет на ноги — дрожь уйдет!

— Мирон, нутро выворачивает... — пожаловался кто-то из плотников.

— Вывернет, когда Авинов кишки выпустит! А это — просто страх! Задавите его! Серапион!

Десятник поднял на меня мутный взгляд.

— Здесь я.

— Держи людей! Кто дернется бежать — в рыло! Мы сейчас или взлетим, или поедem! Третьего не дано!

Я захлопнул люк перед их носами и скатился обратно в ад.

— Смотри! — крикнул Кузьма, тыча пальцем в манометр.

Ртуть в трубке ожила.

Столбик дрогнул и медленно, неохотно пополз вверх. Разница уровней стала заметной.

— Есть давление! — выдохнул я. — Пар пошел!

Как только давление появилось, характер звука изменился. Вода в котлах закипела по-настоящему, объемно. Гул

стал выше, звонче. Вибрация чуть ослабла, перестав выворачивать душу, но теперь появилась новая угроза.

Свист.

Тонкий, противный свист.

— Сифонит! — заорал Кузьма, кидаясь к соединению паропровода с первым цилиндром.

Из-под фланца била тонкая, невидимая струя пара. Я увидел её только по тому, как заколыхалась ветошь, висевшая рядом.

— Прокладку пробило! — Механик схватил гаечный ключ.

— Не лезь! — крикнул я, хватая его за плечо. — Обваришься! Это перегретый пар, он мясо до кости срежет!

— Если не подтянуть — давление не наберем! — Кузьма вырвался. — Дай тряпку!

Он намотал на руку мокрую мешковину, зажмурился и полез прямо в струю.

Я смотрел на это с замиранием сердца. Безумство храбрых.

Кузьма нащупал гайку ключом. Рванул. Еще раз.

Свист стих. Перешел в едва слышное шипение.

Кузьма отскочил, тряся рукой. Мешковина на его руке дымилась.

— Цел? — спросил я.

— Ошпарило чуток, — он скривился, дую на покрасневшее запястье. — Но держит. Сало потекло, зараза.

Я посмотрел на манометр.

Пол-атмосферы. Ртутный столбик полз вверх уверенно.

— Единица! — отсчитывал я. — Одна атмосфера избыточного!

В трюме стало совсем ничего не видно. Из мелких щелей, которые невозможно было законопатить полностью, сочился пар. Он смешивался с дымом, с пылью, создавая густой, горячий туман. Мы двигались в нем как тени.

— Полторы!

Зверь начал "дышать". Поршни в цилиндрах, еще не получая команды на ход, начали подрагивать под давлением, просачивающимся через золотник. Кривошип шевельнулся, звякнул, но остался на месте.

— Две атмосферы!

Теперь свистело уже в нескольких местах. Но это был рабочий свист. Звук силы, которая ищет выход.

— Кузьма, клапан! — напомнил я.

Мы оба посмотрели на нашу самодельную конструкцию — рычаг с подвешенным грузом (старым чугунным утюгом и парой гирек), который прижимал коническую пробку.

Пружина от капкана, дублирующая груз, натянулась.

— Сейчас... — прошептал Кузьма.

Две с половиной.

ПШШШШШШ!

Клапан "чихнул". Струя пара вырвалась вверх, ударила в потолок трюма. Рычаг подпрыгнул и снова сел на место.

— Работает! — заорал Кузьма, и в его голосе было столько детской радости, что я невольно улыбнулся. — Сбрасывает! Не взорвемся, Мирон!

— Рано радуешься! — осадил я его, хотя у самого отлегло от сердца. — Это холостой сброс. Нам нужно три. Нам нужно рабочее давление.

— Подкидывать?

— Нет. Жди. Инерция нагрева сейчас догонит.

Стрелка (я по привычке называл уровень ртути стрелкой) медленно подползала к отметке "3". Это был наш расчетный предел для начала движения.

Трюм превратился в преисподнюю. Жар был такой, что дышать было больно. Легкие обжигало. Одежда стала мокрой насквозь, сапоги хлюпали от пота.

— Три! — крикнул я. — Держится на трех!

Клапан теперь "травил" постоянно, наполняя трюм ровным шипением. Зверь был готов. Он был сыт, разогрет и зол. Он дрожал мелкой дрожью, ожидая, когда ему дадут выплеснуть эту энергию.

Я подошел к главному паровому вентилю. Большое, ржавое колесо от телеги, приваренное к штоку. Сейчас оно было горячим, как сковорода.

Я обмотал руки остатками своего зипуна.

— Ну что, механик, — я посмотрел на Кузьму сквозь пелену пара. Лицо его было страшным — красным, с белыми кругами вокруг глаз, где были очки (он надел их, чтобы за-

щититься от угольной пыли), с потеками сажи. — Пора будить Зверя по-настоящему.

— Открывай продувку! — скомандовал я.

Перед тем как пустить пар в цилиндры на ход, нужно было прогреть их и выгнать конденсат — воду, которая скопилась в холодных трубах. Если вода попадет в цилиндр при ходе поршня — будет гидроудар. Крышку цилиндра вырвет, как пробку из шампанского, и кого-то из нас убьет осколками.

Кузьма нырнул вниз, к дренажным кранам.

— Открыто!

Я чуть-чуть, на пол-оборота, повернул главный вентиль.

Реакция была мгновенной.

БАХ! ПШШШШШ!

Струи кипятка вперемишку с паром ударили из нижних кранов в трюмный настил. Грохот стоял невероятный. Баржа вздрогнула.

— Вода идет! — орал Кузьма, уворачиваясь от брызг. — Грязная, ржавая!

— Жди чистого пара!

Секунды тянулись как часы. Вода хлестала, заливая трюм. Мы стояли по щиколотку в горячей жиже.

Наконец, характер струи изменился. Вместо тяжелых плевков воды пошел чистый, прозрачный, сухой пар. Он вырывался с пронзительным воем.

— Чисто! — крикнул Кузьма. — Цилиндры горячие! Рука не терпит!

— Закрывай продувку! — скомандовал я. — Вставай на реверс!

Кузьма перекрыл краны. Вой стих, сменившись ровным гудением нагнетаемого давления.

Я положил руки на штурвал.

— Внимание! — крикнул я. — Пробуем провернуть!

Я знал, что первый оборот — самый трудный. Поршень мог закиснуть. Кривошип мог встать в мертвую точку (когда шатун и кривошип выстраиваются в одну линию, и усилие поршня просто давит на вал, не вращая его).

Я открыл вентиль шире.

Пар ударил в золотниковую коробку.

КЛАЦ!

Металлический удар. Шатуны напряглись. Вал скрипнул в подшипниках.

Но движения не было.

— Мертвая точка! — понял я мгновенно. — Левый цилиндр стоит в верхней мертвой!

— Лом! — заорал Кузьма, уже хватая тяжелую железную вагу, припасенную заранее.

Это было смертельно опасно. Вручную проворачивать вал машины, находящейся под давлением. Если она "схватит" в момент, когда лом вставлен в маховик — человека переломает или намотает на вал.

— Осторожно! — крикнул я, не закрывая пар, чтобы сохранить давление на поршень. — Только толкни!

Кузьма сунул лом между спиц огромного деревянного маховика (мы приспособили для этого мельничное колесо). Уперся ногами в скользкий пол. Рыкнул от натуги.

Мышцы на его спине вздулись буграми под мокрой рубашкой.

— И... РАЗ!

Вал скрипнул и провернулся на пару градусов.

Этого хватило.

Золотник сместился, открывая окно впуска. Пар, ждавший этой щели, рванул в цилиндр.

Поршень получил удар в три тонны силы.

Вага вырвалась из рук Кузьмы, звякнула об пол. Он успел отпрыгнуть.

Маховик дернулся. Провернулся.

ЧУХ!

Глухой, мощный выдох в трубу. Дым над палубой выплонуло черным кольцом.

Второй поршень подхватил эстафету.

ЧУХ!

Вал сделал полный оборот.

ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ!

Машина закашлялась, чихнула конденсатом, но... пошла.

Колеса за бортом, висящие в воздухе (мы стояли на якоре на глубине, но у берега), начали вращаться, шлепая лопастями по воде.

Ритм был неровным, "хромым", но это был ритм.

Я закрыл глаза и выдохнул.

Зверь ожил. Сердце забилося.

Теперь осталось самое главное. Заставить его работать.

Глава 3

Ритм был рваным, больным.

ЧУХ... (длинная, мучительная пауза, заполненная шипением) ... ЧУХ-ЧУХ... (металлический лязг) ... ЧУХ.

Зверь кашлял. Он задышался, как старик-астматик, которого заставили бежать в гору с мешком камней на плечах. Каждое движение поршня давалось ему с видимым трудом, со скрипом, сотрясающим всю конструкцию баржи от киля до клотика.

Мы с Кузьмой стояли по щиколотку в горячей воде, перемешанной с угольной пылью и масляными разводами — дренаж не справлялся, и трюм превращался в грязную баню. Мы смотрели на кривошип, как дикари смотрят на умирающее божество.

— Почему он так бьет?! — перекричал шум Никифор, свесившийся из верхнего люка. Его лицо, перевернутое вверх тормашками, выражало панику. — Баржу трясет, как в лихорадке! Заклепки сейчас повывлетают!

— Не должно так быть! — заорал я в ответ, вытирая пот, заливающий глаза. — Кузьма, смотри на шток!

Я видел проблему. Мой внутренний инженер, воспитанный на учебниках физики и чертежах из будущего, уже поставил диагноз. Машину лихорадило из-за сбитых фаз.

Золотник — сердце газораспределения, этакая прямо-

угольная чугунная коробка, скользящая по зеркалу цилиндра — работал с чудовищным запаздыванием. Пар впускался в рабочий объем слишком поздно, когда поршень уже прошел треть пути, теряя драгоценную энергию расширения. А выпуск, наоборот, открывался рано, выбрасывая еще упругое, рабочее тело в трубу, не давая ему доделать работу.

Мы теряли КПД. Мы грели небо и воду, вместо того чтобы вращать вал.

— Позднее зажигание! — крикнул я, используя термин из будущего, который здесь никто не понял бы. — Опережение сбито! Тягу эксцентрика надо укоротить!

— На сколько?! — Кузьма подскочил к машине, пытаясь на глаз определить люфт.

— На пол-оборота гайки! Минимум! Иначе мы сожжем весь уголь за час и никуда не уедем!

Это было правдой. Я бросил быстрый взгляд на манометр. Стрелка дрожала на отметке две с половиной атмосферы и медленно ползла вниз. Мы жгли драгоценное топливо быстрее, чем котлы успевали давать пар при таком рваном режиме. Машина работала вхолостую, но жрала ресурсы как прорва.

— Глушить будем? — спросил Кузьма, хватаясь за вентиль.

— Нет! — я перехватил его руку. Рукоятка обожгла ладонь даже сквозь мокрую тряпку. — Если остановим — больше не запустим. Давление падает, конденсата полные

цилиндры. Клин словим на старте. Надо править на ходу!

Кузьма посмотрел на меня как на умалишенного.

— Мирон... Там же мясорубка. Руку оторвет.

Я посмотрел на вращающийся вал. Тяжелые стальные ша-
туны ходили вверх-вниз, как поршни гигантского насоса. Эксцентрик — круглый диск, насаженный на вал со смеще-
нием — вращался бешено, дергая тягу золотника. Лезть туда
с гаечным ключом было безумием. Одно неверное движение
— и стальной палец разможжит кости, затянет рукав, намо-
тает человека на вал, превратив в фарш.

Но выбора не было.

— Я подсвечу, — сказал я твердо, хватая масляную лам-
пу. — Держи ритм. Бей в мертвой точке, когда тяга замирает
на долю секунды.

Кузьма перекрестился размашисто, грязной пятерней
оставляя след сажи на лбу.

— Господи, спаси и сохрани... Держи меня за пояс, Ми-
рон. Если потянет — рви назад, не жалей.

Он полез прямо в гущу движущихся деталей. В самое пек-
ло.

Я вцепился в его кожаный пояс обеими руками, упираясь
сапогами в скользкий, вибрирующий настил. Лампу я дер-
жал в зубах, свет плясал по маслянистому металлу.

Кузьма вытянул руку с ключом. Его лицо превратилось в
маску предельной концентрации. Вены на шее вздулись.

ЧУХ... (шатун уходит вниз, открывая доступ к гайке) ...

ЧУХ... (шатун летит вверх, закрывая доступ).

У него была доля секунды. Окно возможностей.

Нужно было попасть ключом на регулировочную гайку эксцентриковой тяги, которая двигалась вместе с валом по эллипсу. Это было все равно что пытаться вырвать зуб у бегущего тигра.

— Давай! — промычал я сквозь ручку лампы.

Кузьма сделал выпад, похожий на удар фехтовальщика.

Звяк!

Ключ нашел гайку.

Кузьма рванул руку влево, проворачивая резьбу.

— А-а-а! — заорал он, отдергивая руку.

Шатун, идущий вверх, чиркнул по его предплечью, сдирая кожу, но не кость.

— Попал?!

— Четверть оборота! — прохрипел механик, не глядя на рану, из которой сочилась кровь вперемешку с маслом. — Мало! Надо еще!

— Жди ритма!

Он снова замер, раскачиваясь в такт машине. Словно стал ее частью. Шестеренкой из плоти и крови.

Второй выпад. Еще более рискованный.

Ключ лязгнул. Кузьма навалился всем телом, рискуя упасть вперед, прямо на маховик.

Я рванул его за пояс назад так, что пряжка врезалась ему в живот. Мы оба повалились на мокрый пол, в угольную жижу.

Но эффект был мгновенным.

Ритм изменился.

Грохот и лязг исчезли. Им на смену пришел звук, который я не спутаю ни с чем.

ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ!

Удары стали четкими, сочными, резкими. Исчезла "хромота". Выхлоп пара в трубу стал звучать как пулеметная очередь. Машина "задышала" полной грудью.

Маховик, до этого вращавшийся лениво, вдруг набрал скорость, превратившись в размытое серое пятно. Вибрация корпуса изменилась — исчезла разрушительная тряска, появилась мощная, высокочастотная дрожь силы.

— Пошла! — заорал Кузьма, лежа в грязи и глядя на машину снизу вверх. Он смеялся, и красная кровь текла по его черной руке. — Пошла, родная! Поймали фазу!

Я поднял голову к манометру.

— Давление растет! — крикнул я. — Три! Три с половиной!

Теперь, когда цилиндры работали правильно, потребление пара снизилось, а эффективность выросла в разы. Котлы начали справляться с нагрузкой.

Мы поднялись, скользя ногами. Кузьма наскоро замотал ссадину тряпкой.

— Ты безумец, кузнец, — сказал я ему, хлопая по здоровому плечу. — Но руки у тебя золотые.

— Жить захочешь — не так раскорячишься, — усмехнул-

ся он. — Ну что, Мирон? Зверь здоров. Пора спускать с цепи?

— Пора.

Я поднялся на палубу по трапу, чувствуя, как дрожат колени после пережитого напряжения.

Солнце клонилось к закату, окрашивая реку в багровые, тревожные тона. Ветер стих, и над водой повисла тишина, которую разрывал только ровный, мощный ритм нашей машины.

Берег был пуст — все мои люди, кроме дозорных на вышках, сгрудились на корме, глядя на воду за бортом. Плотники, рыбаки, бывшие холопы — они стояли, вцепившись в леера, и молчали.

Там, за кормой, творилось чудо.

Гребные колеса, до этого лениво шлепавшие по воде, теперь вращались с такой скоростью, что отдельные лопасти сливались в сплошной круг. Они били по поверхности воды с частотой молотилки. За кормой бушевал белый, пенистый бурун, уходящий назад на добрый десяток метров. Волны от нашей работы расходились широкими кругами, с шумом ударяясь о глинистый берег и подмывая корни кустов.

Канаты — носовой и кормовой — натянулись как струны на гитаре великана. Дерево кнехтов жалобно скрипело. Баржа, вся дрожа от нетерпения, рвалась с привязи, как бойцовый пес, почуявший дичь.

Серапион стоял у самого борта. Он не крестился. Он смот-

рел на колеса с жадностью.

— Мирон... — он повернулся ко мне. — Ты погляди... Она же реку вспять поворачивает!

— Она гребет за двести человек, — сказал я, подходя к нему. Голос мой был спокоен, но внутри все ликовало. — И не устает. И каши не просит. И спина у нее не болит. Только уголь давай.

— Мы готовы? — спросил десятник. В его голосе больше не было сомнений, только деловитость. Он поверил.

Я посмотрел на густой черный дым, валящий из трубы, в котором плясали яркие искры.

— Машина готова, — ответил я. — Но есть одно "но". Крутить воду на месте — это одно. А тащить пятнадцать тонн груза против течения, да еще ломать цепи — это другое. Нам нужно знать предел.

Я повернулся к люку трюма.

— Кузьма! Глуши!

Внизу лязгнуло. Шипение пара стихло. Колеса сделали еще десяток оборотов по инерции, сбавляя ход, и медленно встали.

Тишина навалилась на уши мягкой ватой.

— Готовься к швартовым испытаниям, — сказал я Серапиону. — Вяжи корму намертво. За тот старый дубовый кнехт на берегу. Будем рвать.

— Рвать? — не понял Серапион.

— Мы попробуем уйти, оставаясь на привязи. Если ма-

шина пересилит дуб — значит, пересилит и Авинова.

На подготовку ушло полчаса.

Мы завели самый толстый пеньковый канат — нашу гордость, купленную у новгородских купцов еще до блокады — за старый, почерневший от времени дубовый столб на берегу.

Этот кнехт был легендой местной пристани. Огромный обломок ствола мореного дуба, врытый в землю на сажень еще дедами. Он врос в глину, пустил новые, "мертвые" корни, переплелся с берегом. За него в паводок чалили тяжелые плоты по сотне бревен, и он держал. Он был символом незыблемости старого мира. Неподвижный, черный, вечный.

Идеальный противник для моей машины.

Если баржа сможет сдвинуть его или порвать канат — мы победили. Если машина встанет под нагрузкой, если пар не провернет вал — мы проиграли.

Солнце коснулось верхушек елей. Тени стали длинными, черными.

— Все на берег! — командовал я. — Уйти из зоны поражения! Если канат лопнет — он снесет голову как косой. Отойти к лесу!

Команда повиновалась беспрекословно. Люди чувствовали — сейчас будет что-то страшное. Они попрятались за деревьями, выглядывая из-за стволов.

Мы остались вдвоем в трюме. Я и Кузьма. И Зверь между нами.

— Страшно? — спросил Кузьма, проверяя масленку дрожащими руками.

— Очень, — честно признался я.

Я стоял у главного вентиля. Давление — четыре с половиной атмосферы. Почти предел прочности котла. Предохранительный клапан шипел непрерывно, стравливая излишки, наполняя трюм влажным туманом. Пружина на клапане была сжата до упора — мы заблокировали ее дополнительной проволокой. Это было нарушение всех норм безопасности, но нам нужна была вся мощность. Вся, до последней капли.

— Давай, Мирон. С Богом. Или с чертом. Лишь бы вывезла.

Я положил руки на горячее, обмотанное тряпками колесо вентиля.

В голове промелькнула странная мысль: "Я менеджер. Логист. Я должен сидеть в кондиционированном офисе и двигать накладные в Excel. А я стою в деревянной бочке посреди средневековой Руси и готовлюсь взорвать паровую бомбу".

Я усмехнулся. И рванул вентиль на себя до упора.

Пар ударил в цилиндры полным потоком.

КХА!!!

Зверь рывкнул. Удар был такой силы, что баржа содрогнулась, как при столкновении со скалой. Бимсы затрещали. Пыль посыпалась с потолка.

Колеса, погруженные в воду, попытались провернуться. Вода сопротивлялась. Она была вязкой, тяжелой, как бетон.

Баржа стояла на месте, удерживаемая канатом, и воде некуда было уходить.

Машина взвыла. Обороты не набирались.

ЧУХ... (натужно, с хрустом) ... ЧУХ...

Вал скручивался винтом. Я слышал, как стонет сталь.

Баржа дернулась вперед, выбрав слабинку каната.

ДЗЫНЬ!

Канат запел. С него полетели брызги, выжимая воду из волокон под чудовищным давлением. Он натянулся так, что стал тоньше в два раза.

— Давление падает! — заорал я, глядя на манометр. Стрелка рухнула с четырех до трех. — Расход дикий! Она захлебывается!

— Жми! — орал Кузьма, швыряя уголь в топку лопатой как безумный. — Жри, скотина! Жри!

ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ!

Колеса начали перемалывать воду. Медленно, тяжело, но они вращались. Баржа осела кормой, нос задрался вверх. Мы создали искусственное течение, бурлящий поток, который бил в берег, размывая глину.

Но мы стояли. Дуб держал.

Машина начала замедляться. Пар кончался. Топка не успевала.

— Не тянет... — холодная мысль пронзила мозг. — Мы проиграли. Мощности не хватает. Дуб сильнее железа.

— Давай!!! — Кузьма бросил лопату и схватил кочергу,

шуруя в топке, поднимая сноп искр. — Не смей глохнуть!

Я высунулся из люка по пояс, чтобы видеть кнехт. Мне нужно было видеть поражение своими глазами.

Столб стоял. Канат дрожал. Баржа ревела, содрогаясь в конвульсиях, но не двигалась ни на дюйм.

И тут я увидел это.

Земля вокруг кнехта. Дерн. Трава.

Она шевелилась.

Почва вокруг старого дуба начала вспучиваться бугром, словно крот-гигант рыл ход снизу. Черные трещины побежали от столба во все стороны, разрывая зеленую траву.

Кнехт наклонился. Чуть-чуть. На градус.

— ЕСТЬ! — заорал я так, что сорвал голос. — ИДЕТ! КУЗЬМА, ОН ИДЕТ! ДАВИ!!!

Машина, почувствовав микроскопическую слабинку, взревела громче. Обороты скакнули вверх.

Кнехт кренился все сильнее. Из земли, с чавкающим звуком, показались узловатые, мокрые корни. Они были толщиной с руку. Они натянулись, как жилы.

ТРРЕСК!

Один корень лопнул. Звук был как выстрел пушки.

Баржа дернулась.

ХРУСТЬ!

Второй корень.

Земля вокруг столба взорвалась фонтаном глины.

ТРАХ!

Главный стержневой корень, уходящий вглубь, не выдержал.

Дубовый столб, весом в полтонны, вместе с огромным комом земли, камней и травы, вылетел из ямы, как пробка из бутылки шампанского. Он взмыл в воздух, описал дугу над водой и с чудовищным плюхом рухнул в реку, подняв столб брызг выше нашей трубы.

Соппротивление исчезло мгновенно.

Баржа, освободившись, прыгнула вперед, как спущенная с тетивы стрела.

Меня швырнуло спиной на острую кромку люка. Кузьма покатился по полу, гремя ведрами и инструментом.

— СТОП МАШИНА! — заорал я, сползая вниз по лестнице, глотая воздух ртом как рыба. — ГЛУШИ! МЫ НА ХОДУ! В БЕРЕГ ВЛЕТИМ!

Кузьма, скользя в угольной жиже, дотянулся до вентиля. Перекрыл пар.

Рев стих.

Колеса сделали еще несколько оборотов и встали.

Мы плыли по инерции, разрезая вечернюю гладь реки. За кормой, на привязи, волочился вырванный кнехт — наш трофей. Наш аттестат зрелости. Он работал как плавучий якорь, медленно останавливая нас.

Я выбрался на палубу.

Тишина. Только плеск волн и свист пара из клапана.

На берегу из-за деревьев выходили мои люди. Осторожно,

боязливо. Они подходили к краю обрыва и смотрели вниз. На огромную, рваную яму в земле, где еще минуту назад рос вековой дуб.

Потом Серапион снял шапку, бросил её оземь и перекрестился.

— Вот это сила... — донеслось до нас через воду. Голос его был полон благоговейного ужаса. — Вот это силища... Он землю порвал, Мирон!

Я посмотрел на свои руки.

Они были черными от сажи, сбитыми в кровь, дрожащими мелкой дрожью. Но я чувствовал, как внутри меня, где-то в груди, разгорается такой же жар, как в топке.

Я улыбнулся.

— Руби канат! — крикнул я Серапиону, когда мы подошли обратно к берегу на веслах. — Кнехт нам больше не нужен.

— А что нужно? — спросил Анфим, глядя на меня горящими глазами.

Я посмотрел на реку, уходящую за поворот. Туда, где нас ждали враги.

— Уголь, — сказал я. — Грузите остатки. Завтра мы идем на войну.

Глава 4

— Руби! — скомандовал я, глядя на натянутый, как струна, пеньковый канат, соединяющий корму нашей дрожащей от нетерпения баржи с поверженным дубом.

Серапион не заставил ждать. Он чувствовал момент. Его топор, остро отточенный перед походом, сверкнул в косых лучах заходящего солнца.

ХРЯСЬ!

Звук удара был сухим и коротким. Перерубленная пенька лопнула с оглушительным щелчком, хлестнув размочаленным концом по воде, подняв веер брызг. Вырванный кнехт — наш бывший якорь и нынешний трофей — медленно перевернулся в буруне за кормой, освобождаясь от пут, и поплыл вниз по течению, никому больше не нужный кусок мертвого дерева.

Мы были свободны.

— Отчаливаем! — мой голос звучал хрипло, перекрывая свист пара и плеск воды. — Никифор, на нос! Вперед смотрящим! Фарватер узкий, вода упала, шаг влево-вправо — сядем брюхом на песок, и никакой черт нас не сдернет! Анфим, к румпелю, в помощь мне! Живо!

Анфим, кряжистый мужик с руками-лопатами, подбежал к кормовому веслу. Сейчас это было не просто весло-потесь, а наш единственный руль. Огромное бревно, стесанное на

конце в широкую лопасть, закрепленное в поворотной укладке на высокой кормовой надстройке.

Я знал, что нас ждет. Управлять пятнадцатитонной баржей с помощью одной мускульной силы, когда у тебя за спиной ревет паровая машина — задача для титанов, а не для людей. Но выбора не было. Нормальный руль с пером мы сделать не успели — не хватило железа на петли.

— Кузьма! — я наклонился к решетчатому люку трюма, откуда валил жар. — Запускай! Самый малый вперед! Не рви!

— Есть малый! — отозвалось эхо из преисподней.

ПШШШШ... ЧУХ!

Колеса, замершие было после теста на разрыв, снова пришли в движение. Медленно, лениво, словно прощупывая воду, они начали шлепать лопастями.

Плюх... Плюх... Плюх...

Баржа дрогнула, вибрируя всем своим деревянным скелетом, и начала неохотно отползать от глинистого берега.

Первое ощущение от настоящего хода было странным. Пугающим.

В прошлой жизни я управлял моторными лодками. Я знал, как судно слушается винта. Но здесь всё было иначе. Обычно баржа — это пассивный гроб, который тащит течение или бурлаки. Она валкая, задумчивая. Здесь же я почувствовал, как в корму уперлась жесткая, грубая сила. Баржа шла не *благодаря* воде, а *вопреки* ей. Она шла напористо, ту-

по, как бык, опустивший рога.

— Выходим на струю! — крикнул я Анфиму, хватаясь за гладкую рукоять румпеля. — Навались!

Мы вдвоем потянули тяжелый рычаг на себя. Дерево скрипнуло. Лопасть руля, погруженная в воду, встретила сопротивление. Баржа начала медленно, с грацией беременной бегемотихи, отворачивать нос к середине реки.

И тут течение подхватило нас.

Река здесь, у Малого Яра, делала петлю, и струя била под углом. Вода ударила в левый борт, пытаясь развернуть судно поперек и понести лагом — боком вперед. В обычной ситуации, на веслах, мы бы сейчас сушили портки и молились, чтобы нас не вынесло на прибрежные камни.

Но у нас был козырь.

— Кузьма! — заорал я в переговорную трубу. — Средний ход! Дай оборотов! Нам нужна скорость, чтобы руль слушался! Иначе закрутит!

— Даю! Держись!

Внизу лязгнуло. Золотник открылся шире.

ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ!

Ритм участился. Колеса, до этого просто шлепавшие, теперь вгрызлись в воду, вспенивая её в белую кашу. Корма просела. Баржа рванула вперед, набирая инерцию. Меня вдавило подошвами в палубу.

— Держи!!! — орал я Анфиму, чувствуя, как румпель пытается вырваться из рук, словно живой. — Выравнивай!

Руль ожил. Поток воды, отбрасываемый колесами, смешался с течением и ударил в лопасть потеси с удвоенной силой. Рычаг рвануло так, что Анфима чуть не перебросило через борт — он повис на румпеле, упираясь ногами в фальшборт, лицо его побагровело от натуги.

— Держу!!! — рычал он сквозь зубы.

Мы вышли на середину реки. На фарватер.

Берега поплыли назад. Сначала медленно, потом всё быстрее. Ели, кусты ивняка, наш причал с фигурками людей — всё это удалялось, уменьшалось.

Это было пьянящее, наркотическое чувство. Мы шли вниз по течению, да еще и под мотором. Скорость, по моим ощущениям, приближалась к десяти узлам. Для реки, привыкшей к ленивому дрейфу плотов, это был бег галопом. Ветер свистел в ушах, раздувая волосы. Дым из трубы стлался черным шлейфом за кормой.

— Мирон! — голос Никифора с носа долетел до меня, разорванный ветром. Он стоял на самом краю, вцепившись в леер, и махал руками как ветряная мельница. — Поворот! Крутой! "Чертов Локоть"! Мель справа!

Я похолодел.

Я знал этот поворот. "Чертов Локоть". Река здесь делала резкий зигзаг, огибая намытую веками песчаную косу, утыканную корягами-топляками. Течение в этом месте сбивалось, образуя водовороты, а фарватер сужался до ширины деревенской улицы.

На весельной лодке этот поворот проходили осторожно, табаня веслами. Мы же неслись на него как паровоз, у которого отказали тормоза.

— Лево руля! — скомандовал я, наваливаясь на румпель всем весом. — Анфим, дави!

Мы положили руль на борт.

Но ничего не произошло.

Точнее, произошло, но слишком медленно. Баржа — это не лодка. Это инертный кирпич весом в пятнадцать тонн. Она продолжала лететь вперед по инерции, не желая поворачивать. Силы руля не хватало, чтобы сбить этот импульс.

Нос судна, окованный железом, упрямо смотрел прямо на песчаную косу, где из воды торчали черные, скрюченные корни огромного топляка.

— Не поворачивает! — заорал Анфим, глядя на приближающийся берег расширенными от ужаса глазами. — Несет! Мирон, разобьемся!

Расстояние сокращалось пугающе быстро. Пятьдесят метров. Сорок.

Я понял, что мы не впишемся. Руль на такой скорости и с такой массой — просто палка в воде. Нам нужна была другая сила.

В голове мелькнула схема привода нашей машины. У нас не было дифференциала, как в машине. Оба колеса сидели на одном валу жестко и вращались с одинаковой скоростью. Это давало отличную тягу на прямой, но делало баржу "ду-

бовой" в поворотах.

Но... у нас были муфты!

Грубые, кулачковые чугунные муфты, которые позволяли отключить колесо от вала вручную. Это было предусмотрено для ремонта или для хода под парусом (которого у нас не было). Отключать их под нагрузкой было безумием — можно срезать кулачки, сломать вал, покалечить механика.

Но выбора не было.

— Кузьма! — я бросил румпель и сунул голову в люк, рискуя получить ожог паром. — Выбивай правую муфту! Быстро!

Внизу на секунду повисла тишина. Кузьма, видимо, не поверил ушам.

— Среже... — начал было он.

— БЕЙ!!! — заорал я так, что, наверное, слышали рыбы на дне. — Разобьемся! Выбивай правую!

Я услышал лязг металла, удар молотка и отборный, виртуозный мат.

БАМ!

Звук был такой, словно в трюме выстрелила пушка.

Баржа вздрогнула.

Правое колесо, отключенное от вала, мгновенно потеряло тягу. Оно начало вращаться свободно, увлекаемое потоком воды, беспомощно шлепая лопастями. Левое же продолжало грести с прежней, яростной силой, получая теперь всю энергию пара.

Разворачивающий момент был чудовищным. Это был танковый разворот на воде.

Баржу дернуло влево так резко, что я упал на колени, больно ударившись о доски. Анфим полетел кубарем к борту. Корма пошла заносом, как у гоночного болида на льду. Вода за левым бортом вздыбилась стеной, захлестывая на палубу.

— Держись!!! — заорал я команде.

Мы вписывались.

Нос баржи, описав дугу, прошел в метре от торчащей коряги. Я видел, как черное дерево, похожее на скрюченный палец мертвеца, мелькнуло у самого борта, готовое распороть нам обшивку. Я видел песок на дне — так мелко там было.

— Прошли! — взвизгнул Никифор.

Но радоваться было рано. Теперь нас несло боком на другой берег.

— Включай! — крикнул я в люк, поднимаясь на ноги. — Включай обратно, Кузьма! Выравнивай!

Внизу снова раздался лязг, грохот и скрежет металла о металл. Кузьма, рискуя руками, пытался загнать вращающуюся муфту обратно в пазы. Это требовало нечеловеческой реакции и смелости.

ХРРРР-КЛАЦ! БАХ!

Удар по трансмиссии был страшным. Вал скрипнул, дерево корпуса застонало, но железо выдержало. Правое колесо

снова включилось в работу, вгрызаясь в воду.

Тяга выровнялась. Баржа перестала вращаться и, рыскнув носом, встала на курс.

Мы прошли "Чертов Локоть".

Я поднялся, отряхивая колени. Руки дрожали мелкой дрожью, и я никак не мог их унять. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь звоном в ушах.

Серапион, стоявший у борта и вцепившийся в ванты так, что костяшки пальцев побелели, был бледен как полотно. Он смотрел на меня круглыми глазами.

— Ты... ты видел? — прошептал он, когда я подошел. — Она ж как живая прыгнула. Как щука в воде. Я думал — всё, конец, щепки одни останутся.

— Видел, — выдохнул я, вытирая пот со лба. — Управляемость — дерьмо, Серапион. Руля не слушается на скорости. Инерция слишком большая. Придется рулить двигателем.

— Это как? — не понял он.

— Как сейчас. Отключать колеса. Танцевать на воде.

Я подошел к люку. Из него валил пар, но теперь он казался мне не страшным, а родным.

— Кузьма! Живой?

Из люка показалась черная, мокрая, перепачканная смазкой голова механика. Очки съехали на нос, на щеке кровоточила свежая ссадина.

— Зуб на шестерне скололо! — пожаловался он первым делом, но в голосе звенела гордость. — Но муфта цела! Ку-

лачки выдержали! Ты, Мирон, в следующий раз хоть за секунду предупреждай. Я чуть ломом по лбу не получил, когда ее выбило отдачей. Руки до сих пор трясутся.

— Прости, брат. Не было секунды. Зато не сели. Теперь знаем: поворачивать на этой дуре только на малом ходу. Или с муфтами, если жить надоело.

— А нам надоело? — усмехнулся Кузьма, вытирая кровь со щеки.

— Нам — нет. А вот Авинову скоро надоест.

Мы вышли на прямой, широкий участок реки.

Солнце окончательно село за лесом. Небо окрасилось в глубокий фиолетовый цвет, переходящий в черноту. На воде заиграли первые блики звезд. Река стала черной, маслянистой, таинственной. Искры из нашей трубы, вылетая в темноту, выглядели теперь как праздничный фейерверк, оставляя огненные трассы в воздухе.

Я стоял на корме и слушал машину.

ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ.

Ритм был ровным. Уверенным. Зверь успокоился после бешеной скачки и теперь просто тянул лямку.

Я чувствовал, как меня отпускает липкий страх. Мы плывем. Мы не просто плывем — мы управляем этой машиной. Пусть грубо, пусть рискованно, на грани фола, но управляем. Мы оседлали дракона.

— Серапион! — подозвал я десятника. — Собери людей. Пусть привыкают. Скажи им — это не телега и не ладья. Тут

тормозов нет. И инерция такая, что если врежемся — разнесет всё.

— А как тормозить будем? — резонно спросил он, глядя на темную воду. — Если вдруг перед носом кто выскочит? Или опять мель?

Я усмехнулся. Вопрос был правильный.

— Паром, Серапион. Против шерсти. Реверсом.

— Чего? — не понял он слова. — Задом наперед?

— Именно. Против хода машины. Сейчас увидишь.

— Сейчас? — он насторожился.

— Да. Нам нужно проверить экстренную остановку. В бою нам придется маневрировать среди вражеских судов, уворачиваться от брандеров. Если мы не сможем быстро остановиться — мы станем просто неуправляемым снарядом, который разобьется о первое же препятствие.

Я наклонился к трубе.

— Приготовиться к остановке! Кузьма! Стоп машина! Готовь реверс! Полный назад по моей команде!

Ритм ЧУХ-ЧУХ затих. Осталось только шипение и плеск воды.

Мы продолжали нестись по течению. Машина встала, но баржа этого "не заметила". Инерция была огромной. Мы шли ходом, и берег продолжал мелькать с той же скоростью.

— Видишь? — показал я Серапиону. — Колеса стоят, а мы летим. Если сейчас препятствие — нам конец.

— И что делать?

— Драться с водой. Кузьма! ЗАДНИЙ ХОД! ПОЛНЫЙ!
Внизу лязгнуло. Механик перекинул эксцентрик. Открыл пар.

ЧУХ!

Колеса дернулись и начали вращаться в обратную сторону.

Эффект был потрясающим.

Вода за кормой, которая только что успокоилась, вдруг вскипела. Лопасты били против потока, против движения судна. Они грызли воду, пытаясь оттолкнуть реку назад.

Баржа задрожала так, что у меня клацнули зубы. Вибрация была такой силы, что казалось, сейчас доски обшивки разойдутся по швам, а гвозди вылезут наружу. Корпус стоял.

— Держись! — крикнул я, хватаясь за леер.

Скорость начала падать. Медленно, неохотно, как будто кто-то огромный схватил нас за хвост. Бурун пены, поднятый колесами, догнал корму и ударил в транец, обдав нас холодными брызгами.

Баржа клевала носом, зарываясь в воду, сопротивляясь своей собственной массе.

— Стоим! — крикнул Никифор с носа через минуту этой бешеной тряски. — Относительно берега — почти стоим! Но течение тащит!

Мы зависли посреди реки. Колеса гребли назад, уравнивая течение и остатки инерции. Машина ревела, борясь

с природой.

— Отлично, — сказал я, вытирая мокрое от брызг лицо.
— Работает. Тормозной путь — метров двести. Много, но лучше, чем ничего.

— Стоп машина! — скомандовал я.

Колеса встали.

Я посмотрел на команду. Они стояли мокрые, ошалевшие от грохота и тряски, но в их глазах я видел то, что мне было нужно. Уверенность. Они поняли, что этот Зверь — не просто шумная бочка с кипятком. Это инструмент. Мощный, опасный, но послушный, если знать, как с ним обращаться.

— Разворачиваемся, — сказал я тихо, глядя на звезды.

— Куда? — не понял Анфим, выжимая мокрую шапку. — Мы же вниз идем. В Малый Яр.

— Нет, — покачал я головой. — Мы идем на войну. А перед войной нужно проверить главное. Сможем ли мы вернуться, если придется отступать. Сможем ли мы идти против течения долго и быстро.

Я положил руку на румпель, ощущая приятную вибрацию дерева.

— Мы сейчас развернемся и пойдем вверх. Против струи. На полной мощности. Я хочу знать предел скорости.

— Кузьма! — скомандовал я в трубу. — Левая муфта — вон! Правая — полный вперед! Разворот на месте!

Баржа, послушная моей воле и пару, начала медленно, величаво разворачиваться носом к течению, поднимая волну,

которая смывала грязь и страх с наших сапог.

Мы готовились бросить вызов самой Реке. И я знал — она примет этот вызов.

Глава 5

— Левая муфта — вон! — заорал я, перекрывая шум воды и свист пара. — Правая — полный вперед! Разворот через левый борт!

Внизу, в чреве трюма, раздался лязг, от которого у меня заныли зубы. Кузьма, орудуя кувалдой и ломом, выбил кулачковую муфту левого колеса.

Баржа вздрогнула, как раненый зверь, получивший удар под дых.

Левое колесо, лишившись жесткой связи с валом, мгновенно остановилось, превратившись в огромный тормоз. Лопасти, зарывшиеся в воду, создали чудовищное сопротивление. Правое же колесо, получив всю ярость пара, вгрызлось в поток с удвоенной силой.

Нас закрутило.

Корма, толкаемая одним колесом, пошла в занос. Нос, увлекаемый течением, пошел в другую сторону. Баржа крутилась волчком, поднимая волну, которая захлестывала на палубу, смывая угольную пыль и сбивая людей с ног.

— Держись! — орал я, вцепившись в леер так, что побелели костяшки. — Сейчас тряхнет!

Мир вокруг завертелся. Берег, лес, вода — все смешалось в темную, смазанную карусель. Деревянный корпус стонал, шпангоуты трещали, гвозди скрипели в пазах. Казалось, бар-

жа сейчас просто развалится под действием скручивающих сил, рассыплется на доски, как карточный домик.

Но она выдержала. Мы строили её на совесть, не жалея железа на скобы.

Когда нос, окованный железом, наконец посмотрел вверх по реке, в сторону Малого Яра, строго против черной, маслянистой струи течения, я скомандовал:

— Включай левую! Синхронизируй! Полный вперед! Оба борта!

Лязг муфты прозвучал как выстрел пушки. Удар по трансмиссии был таким, что вал, казалось, сейчас скрутится в штопор. Но старые оси телег, из которых мы его ковали, оказались крепче, чем я думал.

ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ-ЧУХ!

Ритм машины изменился мгновенно.

Если раньше, идя по течению, Зверь работал весело, с перестуком, проглатывая обороты, то теперь звук стал тяжелым, низким, натужным. Машине больше не помогала река. Теперь она боролась с ней. Это была честная, грубая драка: энергия сжатого пара против гравитации и массы воды.

Я стоял у борта, глядя на темнеющий берег. Ветер бил в лицо, но теперь это был ветер, рожденный нашей скоростью. Это был момент истины.

Вся наша затея, весь этот месяц голода и бессонных ночей, сводился к одной простой задаче. Сможем ли мы идти против течения быстрее, чем идет пешеход?

Если мы будем стоять на месте относительно берега — значит, наша скорость равна скорости течения (около пяти километров в час). Это провал. Мы станем легкой, неподвижной мишенью для лучников и катапульт, огромной "уткой", которую расстреляют с берега.

Если нас понесет назад — это катастрофа. Значит, машина слабее реки. Значит, физика победила инженерию.

Но если берег поплывет назад...

Я выбрал приметную сосну на высоком яру — кривую, с раздвоенной верхушкой, похожую на вилку, чернеющую на фоне догорающего заката.

— Ну... — шептал я, не отрывая взгляда от дерева. — Давай, родимая... Не подведи...

Секунда. Сосна напротив меня. Вода бурлит за бортом, пена летит клочьями, колеса молотят реку, но сосна стоит. Мы стоим. Паритет сил.

Две секунды. Сосна все еще напротив. Сердце упало куда-то в пятки. Не тянет? Неужели всё зря?

Три секунды.

Сосна медленно, неохотно, дюйм за дюймом, поползла вперед. К корме.

— Идем! — выдохнул я, не веря своим глазам. — Идем, мать вашу!

— Идем! — заорал Никифор с носа, размахивая шапкой, чуть не свалившись за борт от радости. — Мирон, мы идем против воды! Берег едет!

Скорость была небольшой. Километра три или четыре в час относительно земли. Пешеход на берегу обогнал бы нас быстрым шагом. Но это была победа. Мы победили природу. Мы шли туда, куда хотели мы, а не туда, куда несла вода. Мы сломали правило, по которому жили речники тысячи лет: "против воды — только бурлаки или ветер".

Бурлаков не было. Ветра не было. Был только уголь.

— Кузьма! — я сунул голову в дымящий люк. Жар ударил в лицо как из печки. — Что с давлением?

— Четыре очка! — крикнул он снизу. Лицо его блестело от пота, очки съехали на кончик носа. — Держу! Но уголь жрет как не в себя! Топка красная, колосники сейчас потекут!

— Дай мне максимум! — крикнул я, чувствуя, как азарт вытесняет страх. — Я хочу знать наш предел! Открой сифон! Форсируй тягу!

— Лопнем, Мирон! Трубы прогорят! У нас нет пламегасителей!

— Открывай! Нам нужно знать, на что мы способны в бою! Сейчас или никогда!

Кузьма перекрестился размашисто, грязной пятерней, и дернул рычаг сифона — устройства, подающего струю отработанного пара прямо в дымоход для создания искусственной тяги.

Звук выхлопа стал оглушительным.

ФУХ-ФУХ-ФУХ!

Искры из трубы полетели сплошным вулканическим столбом, освещая палубу багровым, зловещим светом. Казалось, мы плывем на извергающемся вулкане. Колеса взбили воду в такую пену, что корма скрылась в белом облаке.

Баржа заметно ускорилась. Сосна на берегу поплыла назад быстрее. Теперь мы шли со скоростью хорошего бегуна трусцой.

— Никифор! — крикнул я сквозь грохот. — Лаг! Замеряй скорость! Цифры мне нужны!

Никифор бросил за борт с носа деревянную чурку, привязанную к веревке с узлами, завязанными через каждые полторы сажени. Это был лаг — наш примитивный спидометр. Чурка упала в воду и поплыла назад. Никифор перебирал веревку, считая узлы, проходящие через его руку за время, пока песок сыпался в маленьких песочных часах (мой трофей с купеческой ладьи, который я берег как зеницу ока).

— Узел! — орал он, глядя на веревку. — Два! Три! Четыре! Четыре с половиной узла!

Я быстро посчитал в уме, переводя морские единицы в понятные величины.

Четыре с половиной узла относительно воды. Нет, стоп. Лаг меряет скорость относительно воды. Течение здесь сильное — около двух с половиной узлов. Значит, наша путевая скорость против течения — два узла. А собственная скорость судна — почти семь узлов! Тринадцать километров в час.

Для грузовой баржи с плоским дном и обводами кирпича — это фантастика. Ни одна гребная галера, ни один струг не могли держать такую скорость против течения дольше пары минут — гребцы просто сдохнут, порвут жилы. А мы могли идти так часами. Пока в трюме есть хоть горсть угля.

— Есть запас! — крикнул я сам себе. — Мы быстрее любого гребца!

Я прошел по палубе, проверяя крепеж.

Вибрация на полном ходу была страшной. Мелкие гвозди вылезали из досок настила, словно черви после дождя. Ведро с водой, забытое у рубки, поползло по настилу само по себе, стуча дужкой, и опрокинулось. Ванты звенели, как натянутые струны.

"Надо будет перетянуть весь крепеж, когда вернемся, — отметил я про себя, чувствуя, как дрожь отдается в позвоночнике. — Иначе рассыплемся по дороге на составные части. Эта баржа не создана для такой тряски".

Вдруг звук машины изменился.

Сквозь ровный грохот и шипение пара пробился посторонний, ритмичный стук.

ТУК-ТУК-ТУК.

Он шел снизу, из глубины трюма. Глухой, тяжелый, металлический. И с каждым оборотом колеса он становился громче, настойчивее.

Я замер. Инженерное чутье, отточенное годами работы с механизмами, завопило об опасности.

Я бросился к люку.

— Кузьма! Стук!

— Слышу! — голос механика был полон паники. — Дым идет! Правый коренной горит!

Я скатился вниз по трапу, перепрыгивая через ступеньки, чуть не сломав ноги.

В нос ударил резкий, тошнотворный запах горелого сала и каленого металла. В трюме стоял сизый дым, но он шел не из топки. Он шел от правого подшипника главного вала — массивной чугунной опоры, в которой вращалась стальная ось колеса.

Это была критическая точка. Самый нагруженный узел. Вся масса колеса, все удары лопастей о воду передавались сюда.

Смазка кипела. Жир пузырился и чернел прямо на глазах, превращаясь в корку нагара.

— Баббит течет?! — заорал я, чувствуя, как холодок страха ползет по спине.

Если расплавится вкладыш подшипника — вал просядет, его перекосит. На таких оборотах его просто свернет в штопор инерцией маховика. Машину разнесет в клочья, а нас посечет осколками, как шрапнелью.

Кузьма плеснул на подшипник водой из ковша.

ПШШШ!

Облако едкого пара ударило в потолок. Вода мгновенно испарилась, не успев охладить металл. Чугун зашипел.

— Не баббит! — кашляя, крикнул Кузьма. — Вкладыш бронзовый! Просто перегрев! Масла не хватает, выдавливает давлением! Зазоры маленькие оставили!

— Охлаждай! Водой поливай!

— Нельзя водой! — заорал он в ответ, закрывая подшипник собой. — Чугун лопнет от перепада! Треснет обойма — вал вылетит! Ты что, забыл?!

Он был прав. Лить холодную воду на раскаленный докрасна чугун — верный способ угробить машину мгновенно. Термошок разорвет металл.

— Масло! — принял я решение. — Лей масло! Прямо потоком! Организуй протоку!

— Жалко! — машинально вякнул Кузьма. Конопляное масло в блокаде было на вес золота. Его можно было есть.

— Жизнь жальче! Лей, дурак!

Кузьма схватил банку с драгоценным маслом и начал лить густую желтую жидкость прямо на дымящийся узел.

Масло вспыхнуло.

Огонь лизнул вал, но Кузьма сбил пламя мокрой тряпкой и продолжил лить. Дым стал гуще, вонь — невыносимой, глаза слезились. Но звук изменился. Стук стал мягче, глуше. Масло, испаряясь, отводило тепло, создавая пленку между трущимися поверхностями.

— Сбавляй ход! — скомандовал я, видя, что кризис миновал, но угроза осталась. — Нельзя гнать на пределе. Подшипники еще не притерлись. Зеркало не набили.

Кузьма прикрыл вентиль. Ритм замедлился. Стук исчез, сменившись привычным гулом.

— Пронесло... — выдохнул механик, сползая по стенке. Он дрожал. Вытирая сажу со лба, он оставил кровавый след от ссадины. — Бронза выдержала. Но вкладыш придется шабровать по новой. Задрало, поди.

— Дойдем до базы — посмотрим, — сказал я, проверяя температуру корпуса рукой. Горячо, но терпимо. — Главное — не заклинило. Мы узнали предел, Кузьма. Больше так гнать не будем, пока не притрется.

— А в бою? — спросил он, глядя на меня снизу вверх.

— А в бою — сгорим, так сгорим. Там уже не до подшипников будет.

Мы шли вверх по реке еще полчаса на среднем ходу.

Я использовал это время, чтобы проверить всё, что мог. Я лазил по барже как паук, щупая, слушая, нюхая.

Как ведет себя корпус на волне? Нормально, жесткость достаточная, диагональные связи, которые мы врезали на прошлой неделе, держат геометрию. Щелей нет.

Как работает дымоход? Тяга отличная, но искрогаситель нужен обязательно. Искры летят слишком далеко. Если мы когда-нибудь решим поставить вспомогательный парус или накроем палубу тентом — мы спалим сами себя.

Как чувствует себя команда?

Я поднялся на палубу.

Команда чувствовала себя победителями.

Они ходили по палубе с гордо поднятыми головами. Серапион, Анфим, простые рыбаки, которые еще вчера боялись подойти к машине — теперь они смотрели на берег, который мы преодолевали силой огня, и видели в этом не колдовство, а *свою* силу. Они причастились к тайне. Теперь они были не просто беглецами, загнанными в лес. Они были экипажем "Зверя".

Темнота сгустилась окончательно. Небо стало черным бархатом, усыпанным звездами, яркими и холодными, какие бывают только в августе. Млечный Путь пересекал реку. Вода превратилась в черное зеркало, в котором отражались искры из нашей трубы.

Мы были огненным драконом, плывущим в ночи.

— Разворачиваемся, — сказал я Анфиму, который не отходил от руля. — Хватит жечь уголь. Испытания закончены. Мы знаем, что можем.

— Домой? — спросил он с надеждой.

— На базу. Домом это место назвать сложно. Дом надо еще отвоевать.

Мы развернулись, помогая себе течением, и пошли вниз, к Малому Яру. Теперь мы шли быстро, помогая машине рекой. Скорость была пугающей — деревья мелькали как забор.

На подходе к нашему лагерю я увидел огни костров. Там не спали. Ждали нас. Весь берег был усеян точками света.

— Кузьма! — крикнул я в люк. — Дай гудок! Пусть знают, кто идет! Пусть боятся и радуются!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.